НРС. 2.04.78. с5

ВРАЧ, ХУДОЖНИК, ПОЭТ

Лет восемь тому назад, я остановился во Флоренции, в пансионе. Из окна вид на купол собора. Чего еще желать...

Покойный М. Л. Слоним просил меня передать привет Нине Адриановне Харкевич. Ее хорошо знает и В. В. Вейдле.

Роюсь в телефонной книге. «Не могу ли я вам помочь?», — спрашивает хозяин-сомалиец, женатый на итальянке.

И с чувством: «Харкевич! Как нам не знать благодетельницу-дотторессу. Она спасла нашу дочь...».

На другой день ко мне зашла Нина Адриановна Харкевич, и вся сомалийско-итальянская семья ее горячо приветствовала.

Н. А. пригласила меня обедать на виллу своей русской подруги синьоры М. (урожденной графини О-во). Она — известная переводчица с русского на итальянский язык.

Н. А. принесла горшок рассыпчатой гречневой каши с мелко нарезанными кусочками круто сваренного яйца. Самая русская пища.

Родилась она во Флоренции. Дочь местного православного священника. Дед ее священствовал на рю Дарю в Париже. Чистейшей славянской крови — русской и украинской. Кончила медицинский факультет во Флоренции. Врач по детским болезням. Профессор анатомии во флорентийской Академии художеств. Сотни студентов приходят на ее лекции.

«Я не за натурализм в искусстве... Пусть художники удлиняют руки и ноги, но все же им следует знать — насколько они уклоняются от нормальных пропорций человеческого тела».

Говорю ей, что увлекаюсь маньеристом Понтормо, хотел бы съездить в Чертозу и Поджо а Кайано. Там его фрески...

«В данный момент я очень занята... Многие русские дивятся этим названиям: Чертоза вроде чертовки... А Поджо а Кайано какой-то окаянный....».

Но зато Н. А. свезла меня в Сан-Миято и на выставку скульптуры Хенри Мура.

«Вы так и не побывали в России?» — спрашиваю я.

«С недавних пор езжу туда туристкой. Побывала даже в Эривани. Захватила с собой очерк Мандельштама об Армении и видела все упоминаемые им древности...» Вот так надо путешествовать-паломничать — не с бедеккерами, а с поэтами.

Передо мной сборник стихов Нины Харкевич «Осень». Итоги долгих раздумий и «сердца горестных замет». Темы: одиночество, печаль, отчаяние, но и надежды..., радости... любовь. Образы друзей, подруг и домашнего кота, который вместе с Н. А. дежурит в ожидании музы на освещенном столе, похожем на аэродром.

Смерть является ей в облике старой няни:

Да, смерть моя. Сурово, тихо, строго,
Как няня старая: «Уже пора, —
Она твердила. — Ты шалила много.
Угомонись же. Кончена игра».

Есть сила, страстность в этих стихах:

...Вот трубы восстанья
На бой призывают из вечности.
С мечом я бросаюсь на волю,
И красные маки мерещатся...

Поэтика — консервативная. Но есть, что сказать Нине Харкевич, и именно в стихах.

Прекрасно стихотворение «Родина» — жемчужина зарубежной поэзии:

Русская ласка!
Тысячелетний, от предков нахлынувший вал
Вдруг настигает меня в самом сердце Тосканы,
Там, где Флоренция в знойной горит духоте.

Знаю, ждала я!
Только не здесь, где все дышит искусством веков.
Нежная фраза внезапно, как сон, расцветает:
«Миленький, родненький, было б дышать здесь вольней!»

Сколько дала миру Флоренция: столица Гуманизма, Ренессанса. Вместе с тем этот Цветочный город — глава в истории искусства и культуры каждого европейского народа. Здесь Максим Грек слушал Савонаролу, а свои дни закончил в ссылке, в сугробах Московии. Недалеко от Палаццо Питти жил Достоевский. Как-то раз он увидел скорпиона. Вызвал хозяйку, но паука они не нашли. Федор Михайлович утомился, мирно заснул, и ядовитое насекомое его не укусило. Другие русские тени мелькали во Флоренции: Гоголь, Блок, Розанов, Кузмин... А Цветаева увидела Флоренцию в Москве, как и Мандельштам:

И пятиглавые московские соборы
С их итальянскою и русскою душой
Напоминают мне явление Авроры,
Но с русским именем и в шубке меховой.

Есть Флоренция в Москве. А наша флорентийская старожилка не забыла русский язык и на бессмертных пьяццах слышатся ей задушевные слова: миленький, родненький! И какое безошибочно узнаваемое русское лицо у этой итальянской дотторессы.

В книге репродукции картин Нины Адриановны. Кипарисы на горной дороге. Они чем-то напоминают пирамидальные тополя. А речка совсем русская, левитановская, но вдали виднеются горы, вероятно, Аппенинские.

Две родины у Нины Харкевич: Россия и Италия. А ее любовь к ним — одна.

Юрий Иваск